

42

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

Поэма С.А. Есенина «Черный человек» в интертекстуальном аспекте
Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)
код, направление

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

75 % авторского текста
Работа рекомендуется к защите
рекомендована/не рекомендована
« 4 » июня 2020 г.
зав. кафедрой литературы и МОЛ

 Маркова Т.Н.

Выполнила:

Студентка группы ОФ-515-075-5-2
Кожухова Ольга Сергеевна

Научный руководитель:

канд. филол. наук, ст. преп.
Гимранова Юлия Александровна

Челябинск

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	7
1.1 Интертекстуальность как научная проблема	7
1.2 Основные подходы к изучению феномена интертекстуальности.....	12
1.3 Типология основных интертекстуальных форм в литературе	22
ГЛАВА 2. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОЭМЫ С.А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК».....	30
2.1 Особенности анализа поэмы С.А. Есенина «Черный человек» в аспекте интертекстуальных связей.....	30
2.2 Элементы литературной переклички с русской литературой XIX века....	32
2.3 Интертекстуальный диалог С. Есенина с современниками.....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	50
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Обзор тематики учебных программ, посвященной изучению творчества С.А. Есенина в школе.....	54
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Конспект факультативного урока для 10 класса. Анализ поэмы С.А. Есенина «Черный человек» в интертекстуальном зеркале	58

ВВЕДЕНИЕ

Проблема интертекста и интертекстуальности начала волновать ученых и литературоведов относительно недавно. Сам термин появился лишь в 60-х годах прошлого столетия под влиянием известного исследователя, теоретика постструктурализма Юлии Кристевой. Он используется для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут ссылаться тем или иным образом друг на друга. Нельзя не упомянуть, что сама идея «диалога между текстами» была впервые предложена М.М. Бахтиным.

Как отмечают ученые, в каждом художественном тексте присутствуют элементы, ранее употреблявшиеся в других текстах. Например, ими могут быть аллюзии, метафоры, предложения. В зависимости от авторского замысла тексты, содержащие данные элементы, являются стилизацией, интерпретацией, пародированием чужих текстов. Чужой и авторский тексты вступают во взаимосвязи на различных уровнях. Явление скрещения, контаминации текстов двух и более авторов, зеркального отражения словесных выражений принято называть интертекстом.

Первые теоретические концепции появляются в работах представителей структурной и формальной школ В. Гумбольдта, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского. Исследовательница Н.А. Кузьмина, говоря о развитии интертекстуальности, выделяет всего три основных направления, которые предшествовали появлению теории интертекста: теория диалоговой концепции полифонического литературоведения (опираясь на труды М.М. Бахтина), учения о пародии Ю.Н. Тынянова, теория анаграмм основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра.

В данном контексте мы предприняли попытку к изучению творчества Сергея Александровича Есенина, а именно, его последнего произведения – поэмы «Черный человек». В нашей работе мы постараемся

понять, каким образом возникают заимствования в поэме, к какому автору и произведению нас отсылают те или иные строки произведения. На данный момент отсутствуют какие-либо масштабные работы, посвященные целостному анализу интертекстуальных связей в поэме С.А. Есенина «Черный Человек». Есть работы, рассматривающие отсылки только к Пушкину, например, системно-психологический анализ поэмы осуществлен исследователем Р.В. Комаровым, философский смысл поэмы представлен О. Вороновой, серьезное исследование представляет нам С.В. Кирьянов, в его диссертационной работе произведение С.А. Есенина «Черный Человек» рассматривается в контексте мировых художественных связей.

Все вышеперечисленное определяет *актуальность* нашей работы.

Материалом нашего исследования послужила поэма С.А. Есенина «Черный человек»

Объектом настоящего исследования является интертекстуальность «Черного человека».

Предметом исследования – элементы и приемы интертекстуальной переклички поэмы «Черный человек» С.А. Есенина с русской литературой XIX – начала XX вв.

Целью исследования является изучение интертекстуальных приёмов заимствования в поэме С.А. Есенина «Черный человек».

Задачи исследования:

- 1) изучить понятие интертекст и интертекстуальность;
- 2) проанализировать существующую классификацию интертекстуальности;
- 3) проанализировать поэму С.А. Есенина «Черный человек» в аспекте интертекстуальных связей с русской литературой XIX – начала XX вв.;
- 4) наметить дальнейшие перспективы развития избранной проблемы;

5) проанализировать существующие школьные программы на предмет изучения в них творчества С.А. Есенина, в особенности поэмы «Черный человек»;

б) разработать факультативный урок по интертекстуальным отсылкам в поэме С.А. Есенина «Черный человек».

В ходе исследования была выдвинута и проверялась следующая *гипотеза*: интертекст в поэме «Черный человек» применяется с целью повышения информационной насыщенности соответствующего смыслового фрагмента текста, и служит усилению прагматического воздействия на читателя, в том числе превращению его в свидетеля происходящего, сочувствующего герою.

Для осуществления цели работы и решения комплекса поставленных задач были использованы следующие *методы* исследования:

1) теоретический анализ лингвистических и литературоведческих источников по проблеме интертекстуальности;

2) интертекстуальный анализ поэмы С.А. Есенина «Черный человек»;

3) сравнительный анализ учебных программ, методической литературы в аспекте изучаемой темы.

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы применен комплекс методов исследования: анализ педагогической, литературоведческой, методической литературы; анализ рабочих программ в школах; анализ литературного произведения.

Апробация основных положений исследования проведена на международной научно-практической конференции молодых учёных «ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ», где была представлена научная статья по данной теме.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит вклад в решение проблем рассмотрения художественного текста с позиций коммуникативной лингвистики, так же

развивает теорию интертекстуальности, продолжает исследование интертекстуальности на материале жанра поэмы, вносит вклад в развитие понятия информационной насыщенности текста и прагматического воздействия на получателя информации.

Практическая значимость работы состоит в разработке методических рекомендаций и конспекта факультативного урока, в основу которого положен анализ поэмы «Черный человек» с точки зрения интертекстуальности.

Работа включает в себя введение, 2 главы, заключение, библиографический список, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

1.1 Интертекстуальность как научная проблема

Настоящее исследование посвящено изучению поэмы С.А. Есенина «Черный Человек» в аспекте интертекстуальности, поэтому следует начать с рассмотрения данной проблемы в литературоведении.

Проблема интертекстуальности начала волновать ученых в 60-х годах XX века. Как таковое явление интертекстуальности разрабатывалось в рамках теорий структурализма (Ю.М. Лотман), постмодернизма и постструктурализма (Ю. Кристева, Р. Барт, М. Риффатер, Ж. Деррида и др.).

На сегодняшний день в научном мире в вопросе понимания термина и самого феномена «интертекстуальность» достигнуты определенные соглашения и определенное единство, что нельзя сказать о его методологии. Среди ученых до сих пор нет четкого и единого решения. Следует обратить внимание, что с точки зрения семиотики интертекстуальность затрагивает проблематику широкого спектра вопросов, связанных со взаимодействием гомогенных знаковых систем.

Сторонники теории безграничного текстового пространства (например, И.П. Смирнов и др.) трактуют интертекстуальность как родовое свойство любого текста, что представляет ее как референцию любого текста. Ученый И.П. Смирнов в своих литературоведческих исследованиях находит практическое применение в решении задач связанных с проблемами переименности любых художественных текстов.

В лингвистических теориях интертекстуальность рассматривается как частный случай присвоения базовым текстом ограниченного числа элементов другого или других текстов. В связи с этим, основные противоречия, которые возникают и будут возникать на данном пути,

главным образом касаются самой оценки масштабности феномена «интертекстуальность».

Первые теоретические концепции появляются в работах представителей структурной и формальной школ В. Гумбольдта, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского. Исследовательница Н.А. Кузьмина, говоря о развитии интертекстуальности, выделяет всего три основных направления, которые предшествовали появлению теории интертекста: теория диалоговой концепции полифонического литературоведения (опираясь на труды М.М. Бахтина), учения о пародии Ю.Н. Тынянова, теория анаграмм основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра [17; с. 28].

Из всего вышесказанного следует отметить, что общепризнанной основой теории текстовой диалогичности, действительно, является полифоническая концепция М.М. Бахтина. В ее основе лежит понятие «чужого слова» как основного побудительного мотива речевого высказывания, что не охватывает всестороннее проблему. Однако, у концепции Бахтина есть определенные нюансы и неточности: данная точка зрения не выходит за рамки художественного текста, ограничивая свою реализацию пародией, иронией, сказом и скрытой полемикой. Следует, однако, отметить, что данные идеи положены в основу процесса понимания чужого высказывания в рамках речевых актов.

Дальнейшее свое развитие идеи межтекстовых связей получают в среде французского постструктурализма на основе анализа произведений постмодернистской литературы. Представление о генезисе текста как о хаотичном процессе, лишенном какой-либо авторской креативности, порождает само понятие интертекстуальности, в рамках которого, культура есть безграничное текстовое пространство.

Сам термин «интертекстуальность» впервые употребляется во второй половине XX века Юлией Кристевой в научной статье «Бахтин

слово, диалог и роман» и получает дальнейшее развитие в работах Рене Барта, Ж. Женетт и других. Кардинально отличается точка зрения Ж. Женетта от концепции Р. Барта и Ю. Кристевой. В работах этих ученых интертекстуальность представлена экстенсивным понятием, Ж. Женетт в свою очередь сводит понятие интертекстуальности к рестриктивному проявлению одного текста в другом.

Н. Пьеге-Гро, комментируя позицию Ж. Женетта по этому вопросу, в своей книге «Введение в теорию интертекстуальности», отмечает, что интертекстуальность является одним из «транстекстовых отношений». Концепция интертекстуальности, предложенная американским лингвистом Майклом Риффатером, опирается на «категории чтения». В его подходе делается акцент на то, что «интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным произведением и другими» [25; с. 45].

В парадигме ориентации на читателя рассматривается интертекстуальность и представителями немецкого языкознания. Так, в основе концепции Ренате Лахман лежит понятие имплицитного текста, то есть обозначение того места в тексте, где он пересекается с другими текстами. Своеобразный подход в исследовании интертекста с позиции процесса восприятия текста реципиентом предлагает еще один немецкой лингвист Сюзанне Хольтуис. Она утверждает, что индикаторы инородного текста могут быть идентифицированы только динамикой приращения смыслов, возникающей за счет целенаправленной деятельности читателями. В исследованиях современного британского лингвиста Нормана Фэрклафа, работающего в области построения текста и дискурса, выделено понятие «сила высказывания» [40; с. 67]. Н. Фэрклаф рассматривает интертекстуальность как реконструкцию цепочки претекстов в новом тексте.

Из всего этого можно сделать вывод, что интертекстуальности отводится текстообразующая функция, ориентированная на специфичность конкретного дискурса.

Еще один взгляд на проблематику интертекстуальности предлагают британские лингвисты Мэриэль и Томас Блур, которые, исследуя формы и степень проявления интертекстуальности в зависимости от типа текста (научный текст, журналистика, публицистика и т.д.), отмечают большую частотность ее присутствия в литературных текстах. Позиция ученых сводится к толкованию интертекстуальности как феномена межжанровой адаптации одного текста в другом и получению, в результате, сложного жанрового гибрида.

Некоторые американские ученые, понимая под интертекстуальностью межтекстовые связи, говорят о том, что она сигнализирует о социальных условиях и восприятии, опирается на знания национально-культурных традиций и свидетельствует о связи языка и культуры.

В отечественной филологии основу теории интертекстуальности заложил М.М. Бахтин. Поднятая им проблематика авторско-читательского взаимодействия получает дальнейшее свое развитие в трудах И.П. Смирнова, в диалогической модели Н.А. Фатеевой, выделяющей две позиции: читательскую и авторскую.

Несмотря на то, что исследования в области интертекстуальности являются одним из ведущих направлений в лингвистике, поэтике, литературоведении, культурологии и др. науках на протяжении последних лет, отдельные положения теории интертекстуальности остаются мало изученными.

При исследовании понятия «интертекстуальность» вполне обоснованно различать две ее стороны – исследовательскую и авторскую.

С точки зрения исследователя, интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления многомерных связей с другими текстами, связанными с прецедентным текстом. По аналогии с интертекстуальностью можно говорить об автотекстуальности, когда непонимание разрешается за счет установления многомерных связей, порождаемых определенной циркуляцией интертекстуальных элементов внутри одного и того же текста [19; с. 12].

В современной литературе интертекст – основной вид и способ построения художественного текста, так как автор умышленно или неосознанно использует цитаты и реминисценции. Существование некоторых литературных жанров невозможно без интертекстуальных связей. Жанр пародии, например, построен на нарочито-подчеркнутом использовании «чужих» текстов, текстов – доноров, на основе которых создаются пародийные и сатирические произведения. Таким образом, произведения жанра пародии – всегда интертекстуальны.

Интертекстуальность, как необходимое предварительное условие для любого текста, не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых не всегда можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат. Опытный читатель сумеет увидеть внешнюю или внутреннюю интертекстуальность в любом художественном произведении.

Интертекстуальный подход к интерпретации текста предполагает сопоставление типологически сходных явлений как вариаций на сходные темы и структуры. В узком понимании интертекстуальный подход представляет собой выявление в тексте конкретных, вербализированных вкраплений «чужого слова», которые занимают конкретные позиции в нем. Каждое произведение, выстраивая свое интертекстуальное поле, создает

новый текст. Благодаря интертексту текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст.

1.2 Основные подходы к изучению феномена интертекстуальности

На современном этапе литературоведения текст принято определять как открытую систему, которая представляет собой фрагмент определенного дискурса. Феномен текстовой открытости «рассматривается традиционно в связи с категорией интертекстуальности, отражающей процесс "разгерметизации" текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми или смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [38; с. 175-176].

Термин «интертекстуальность» относительно новый и был введен во второй половине XX в. Ю. Кристевой, понимавшей под ним «социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [32, с. 168]. Тем не менее, исследования в области теории интертекстуальности проводились задолго до введения в научный оборот самого термина «интертекстуальность».

М.Б. Ямпольский выделяет в качестве основных источников теории интертекстуальности теоретические взгляды Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина и теорию анаграмм Ф. де Соссюра [34; с. 33]. Ю.Н. Тынянов подошел к проблеме интертекста через изучение пародии, при этом он различал два типа интертекстуальных отношений: стилизацию и пародию. По его мнению, «стилизация близка пародии. И та и другая живут двойной жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна неувязка обоих планов, смещение их. При стилизации этой неувязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого» [36; с. 33].

М.М. Бахтин, развивая концепцию диалогичности текста, его многоголосицы, пришел к выводу, имеющему фундаментальное значение:

«Текст как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы. Взаимосвязь всех смыслов (поскольку они реализуются в высказываниях). Диалогические отношения между текстами и внутри текста. Их особый (нелингвистический) характер» [38; с. 33-34].

Ф. де Соссюр работал с анаграммами в индоевропейской поэзии. Именно Соссюром, по словам Ю. Кристевой, была выявлена «проблема пересечения (и разрушения) множества инородных дискурсов в поэтическом языке» [36; с. 40]. В работе «Слово, диалог и роман» (1966 г.) исследователь Ю. Кристева вслед за М. М. Бахтиным рассматривает «литературное слово» не как «некую точку (устойчивый смысл)», но как «место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [32; с. 166]. Текст как бы сам включается в «жизнь истории и общества, в свою очередь, рассматриваемых в качестве текстов, которые писатель читает и, переписывая их, к ним подключается» [32; с. 166].

Ю. Кристева, следуя за М.М. Бахтиным, обнаруживает корни межтекстовых связей в карнавальном дискурсе. По ее мнению он «ломает законы языка, охраняемые грамматикой и семантикой, становясь тем самым воплощенным социально-политическим протестом, причем речь идет вовсе не о подобию, а именно о тождестве протеста против официально-лингвистического кода, с одной стороны, и протеста против официального закона – с другой» [32; с. 167]. С точки зрения Ю. Кристевой «слово определяется горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных» [32; с. 167]. Читатель включен в «дискурсный универсум книги» и «сливается с тем другим текстом, по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст, так что горизонтальная ось (субъект/получатель) и

вертикальная ось (текст/контекст), в конце концов, совпадают, обнаруживая главное: всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [32, с. 168]. Ю. Кристева приходит к выводу, что «любой текст строится как мозаика цитат, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [32; с. 167]. Исследовательница отмечает, что «всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [32; с. 170].

Проблемами интертекста и интертекстуальности в рамках современной научной парадигмы занимается и литературоведение, и лингвистика, но, по замечанию Н.А. Фатеевой, до сих пор «не существует четкого теоретического обоснования понятий, стоящих за этими терминами» [34; с. 16]. Е.Г. Еременко в обзорной статье «Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе» обращает внимание на то, что еще не решен вопрос о разграничении терминов «интертекстуальность» и «интертекст» [26; с. 132]. Как отмечается в работе, С.А. Стройков, Ю.С. Степанов, Л.А. Грузберг, Е.Н. Политыко вслед за К.П. Сидоренко не разграничивают эти два понятия. Н. Пьеге-Гро видит между данными терминами разницу: «Интертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст. В свою очередь интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [31; с. 48].

В дальнейшем в данной работе мы будем разграничивать интертекстуальность как «инструмент, при помощи которого мы считываем интертекст, и способ организации внетекстовых связей в пространстве текстов» и интертекст как «систему текстов, втягивающихся в пространство того или иного текста» [36; с. 133].

По мнению В.Е. Чернявской, сегодня существует проблема девальвации термина «интертекстуальность», вызванная чрезвычайно широким употреблением термина. Ссылаясь на В. Хейнмана, она пишет о так называемом «интертекстуальном синдроме»: «любые, всякие межтекстовые отношения и связи называются интертекстуальными. При этом все чаще высказываются сомнения о целесообразности такого очень широкого и всеобъемлющего понимания интертекстуальности. Ведь в конечном итоге лингвисты оказываются – оказались! – перед побочным эффектом девальвации термина и девальвации его «практической работоспособности», опциональной значимости» [39; с. 178]. Выход из сложившейся ситуации В.Е. Чернявская видит в выяснении статуса интертекстуальности в исследовании текстуальности в целом. В соответствии с радикальной моделью, по В.Е. Чернявской, интертекстуальность рассматривается как «универсальное свойство текста вообще, т. е. предполагает понимание всякого текста как интертекста» [21; с. 180]. При этом «предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности» [21; с. 181]. Этой концепции придерживались такие именитые ученые как: Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Б.М. Гаспаров, П. Х. Тороп, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Риффатер, Ю. Кристева и др. Канонической и стала формулировка Р. Барта, ярко иллюстрирующая сущность концепции: «Каждый текст

является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляют собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [36; с. 78]. Исследователь придерживается мнения, что «как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [36; с. 78].

В духе этого же подхода Н.А. Кузьмина в монографии «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка» предлагает следующее определение интертекста: «Это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [35; с. 8]. И.П. Смирнов под интертекстуальностью понимает «слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается или в творчестве того же автора, или в смежном искусстве, или в предшествующей литературе» [28; с. 193]. Он рассматривает явление интертекстуальности в трех аспектах: идеологическом, семиотическом и коммуникативном.

Широкой концепции интертекстуальности противопоставляется узкая, в центр интересов которой не выдвигаются «отношения за рамками нелитературного дискурса, в смысле широких психоаналитических и культурологических экскурсов» [35; с. 185]. Задача интертекстуального аспекта в узком смысле трактования понятия являлось фактическое

обозначение типа отношений, в которых один конкретный текст находится во взаимоотношениях с другим или другими текстами. Как отмечает лингвист В.Е. Чернявская, «такая интертекстуальность должна была заниматься изучением и исследованием цитат, различных форм чужой речи, аллюзий, реминисценций как включений в чужой текст» [35; с. 185].

Узкая концепция интертекстуальности, по сути, обращается к тем явлениям, которые давно исследуются литературоведением в связи с проблемой литературных заимствований и влияний. Она реализуется в работах Н.А. Фатеевой, И.В. Арнольд и др. Любопытной представляется точка зрения Н.А. Фатеевой, которая различает две стороны интертекстуальности – читательскую (исследовательскую) и авторскую. По ее мнению, интертекстуальность с точки зрения читателя – это «установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [24; с. 16]. С точки зрения автора интертекстуальность представляет собой «способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов (т. е. других поэтических «Я»))» [24; с. 20]. Важно, что рядом с феноменом интертекстуальности Н.А. Фатеева рассматривает автоинтертекстуальность, которую можно понимать, с одной стороны, как явление, при котором «непонимание разрешается за счет установления многомерных связей, порождаемых циркуляцией интертекстуальных элементов внутри одного и того же текста» [24; с. 17], а с другой стороны – как явление, при котором «при порождении нового текста система оппозиций, идентификаций и маскировки действует уже в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его «Я» [24; с. 20]. Подход Н.А. Фатеевой может быть охарактеризован как литературоведческий.

Также к проблеме интертекстуальности можно подойти и с позиций лингвистики текста. Как делает это лингвист В.Е. Чернявская, трактуя интертекстуальность как категорию текстовой открытости. По ее мнению, с лингвистической точки зрения об интертекстуальности можно говорить только тогда, когда «автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. В понимании В.Е. Чернявской интертекстуальность в своем роде сводится к намеренно маркированной интертекстуальности. Это предполагает, что не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат вполне в состоянии верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности» [31; с. 187]. Для разъяснения сущности проблемы исследователь обращается к работам С. Загера, который различает абстрактную – потенциально возможную интертекстуальность, актуальную (когнитивную) интертекстуальность и текстуально выраженную интертекстуальность.

Первая форма характеризует широкие культурно-семиотические отношения в текстовом универсуме. Когнитивная интертекстуальность, по Загеру, подразумевает отношения между текстом и его реципиентом, возникающие в процессе декодирования и интерпретации. И третья из перечисленных форм означает выраженность в текстовой ткани текстового диалога через разного рода сигналы [24; с. 187–188]. Исходя из концепции, предлагаемой С. Загером можно выделить несколько граней текстовой открытости. А именно: «содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к иным конкретным текстовым системам и структурам»; «его (текста) открытость читателю, тезаурус которого также представляет собой незамкнутую систему пресуппозиций, обуславливающих полноту восприятия всех элементов текстового целого»; «тематическая и логическая открытость текстов одного автора друг другу»; «внутренняя содержательно-тематическая прогрессия отдельно взятого текста,

раскрывающаяся в его поступательном движении от смысла к смыслу (глубинный уровень) и от одной структурно-композиционной части к другой»; «типологическая открытость текстов одного жанра (типа, класса) друг другу»; «открытость (отдельного) типа текста более общим функционально-стилистическим и дискурсивным системам» [31; с. 188-193].

Обращаясь к механизмам интертекстуальности, нельзя не обратить внимания на монографию Н.А. Фатеевой «Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности», в которой автор высказывает мнение о том, что «в основе интертекстуализации лежит метатропное отношение» [32; с. 53]. Подчеркивается, что при интертекстуальном взаимодействии происходит заимствование не одного элемента, а целого «комплекса поэтической мысли» (Л. Я. Гинзбург) или самого «кода иносказания», который включает в себя семантические комплексы, обладающие неоднородной структурой, и коррелирует с «эпизодической, семантической и вербальной памятью творческого индивида» [32; с. 54]. Данные комплексы автор называет метатропами (переосмысливая термин, введенный Ю.М. Лотманом), ставя перед собой целью этим терминологическим обозначением показать, что «реальное взаимодействие между текстами, какую бы степень формальной выраженности оно ни имело, происходит на уровне глубинном, чем поверхностные семантические преобразования» [32; с. 57]. По мнению Н.А. Фатеевой, метатропы представляют собой «стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определенного автора» [32; с. 54]. Исследователем были выделены несколько типов метатропов: ситуативные, концептуальные, композиционные и собственно операциональные. Ситуативные метатропы – это «определенные референтивномыслительные комплексы, продиктованные «внутренней смысловой необходимостью» и служащие моделью для «внутренних

речевых ситуаций» Они имеют соответствия в реальной жизненной, реально претекстовой (предшествующего текста) и воображаемой ситуациях» [32; с. 58]. По мнению Н.А. Фатеевой, «наиболее явно заимствование на уровне ситуативных метатропов дает себя знать, когда мы имеем дело с явно «вторичными» текстами или с эксплицитной ситуацией «Homo legens» («Человек читающий»), когда эффект разрыва минимален» [24; с. 59]. Концептуальные метатропы представляют собой «устойчивые мыслительно-функциональные зависимости, образующие и синтезирующие обратимые цепочки «ситуация – образ – слово», а также создающие из отдельных референциально-мыслительных комплексов целостную картину мира» [24; с. 64]. При интертекстуальном взаимодействии они «прежде всего обнаруживают себя в композиционном строении соплагаемых произведений, а также в формально-семантических средствах языка – то есть конкретных вербальных реализациях» [32; с. 73]. Операциональные метатропы «реализуют все остальные типы метатропов в языковом пространстве и проявляют преобразования смысла в вербальной структуре речи.

Операциональные метатропы «реализуют все остальные типы метатропов в языковом пространстве и проявляют преобразования смысла в вербальной структуре речи. Операциональные метатропы имеют вид определенных детерминант, которые непосредственно коррелируют с субъектом сознания и речи:

- 1) референциальная память слова;
- 2) комбинаторная память слова;
- 3) звуковая память слова;
- 4) ритмико-синтаксическая память слова, включающая память рифмы» [23; с. 75].

Под референциальной памятью слова понимается способность слова, с одной стороны, фиксировать прямые референциальные соответствия, с другой – входить в сеть так называемых «поэтических парадигм» (термин

Н.В. Павлович), в которых регламентируются метафорические и метонимические переносы значения, с третьей – создавать индивидуально-авторские соответствия. Звуковая память слова – это «его способность притягивать к себе близкозвучные слова, образуя звуковые парадигмы и своеобразную «периодическую систему слова», в которой одна звуковая формула вызывает в памяти другую» [23; с. 77], при этом «звуковая память текста вызывает к порогу сознания такие более глубинные семантические зависимости ситуативного и концептуального уровня, которые без звуковой подсказки оставались бы скрытыми» [23; с. 79]. Что касается ритмико-синтаксической памяти слова, то она «в первую очередь, включает в себя «память рифмы», что связывает ее с комбинаторной и звуковой памятью слов», она «включает в себя память не только о ритмико-синтаксических, но и ритмико-семантических и морфологических построениях в поэтическом языке» [28; с. 84]. Композиционные метатропы, по Н.А. Фатеевой, «организуют ритм текста как целого» [28; с. 86].

По итогам своих исследований Н.А. Фатеева приходит к выводу, что «в случае влияния одной творческой системы на другую следует говорить не о каком-нибудь единичном интертекстуальном заимствовании, а об усвоении и адаптации целого «пучка» как содержательных, так и операциональных метатропов автора-предшественника» [28; с. 89]. Интересен опыт работы с категорией интертекстуальности К.П. Сидоренко. Широкое распространение получил термин «интертекстема», введенный К.П. Сидоренко и В.М. Мокиенко. Под интерксемой автор предполагал такой межуровневый сегмент содержательной структуры текста, вовлеченный в межтекстовые связи. Другими словами, интертекстема представляет собой прием, средство реализации межтекстовых связей. Интертекстема распределяются по уровням: текстово-организационный (например, онегинская строфа), ритмико-метрический (фрагмент или соотносимое со строфой

стихотворное единство, не оформленное по правилам завершенности), уровень предикативной единицы (например, конструкции пословично-поговорочного характера), уровень словосочетания, уровень слова. На современном этапе лингвистических и литературоведческих исследований не выработан единый подход к исследованию феномена интертекстуальности. В литературоведении он исследован полнее. Исходным положением лингвистического анализа становится понимание интертекста как языковой формы присутствия текста в тексте. И для литературоведения, и для лингвистики одинаково важен вопрос о типологии основных интертекстуальных форм в текстах.

1.3 Типология основных интертекстуальных форм в литературе

Формы проявления интертекстуальных отношений разнообразны, поэтому на сегодняшний день существуют несколько классификаций интертекстуальных элементов и межтекстовых связей. Ю. Кристева в работе «Текст романа» (1970 г.), ссылаясь на М.М. Бахтина, приводит классификацию повествовательных высказываний, касающихся диалогизма: «предметное слово» (оно «направлено на свой предмет и выражает последнюю смысловую интонацию говорящего»), «объектное слово» (которое «направлено на разные степени объектности») и «слово с установкой на чужое слово» [32; с. 482].

Остановимся на слове с установкой на чужое слово, так как именно оно является значимым по отношению к интертекстуальности. Ю. Кристева различает:

1. Однонаправленное двуголосое слово:
  - 1) стилизация;
  - 2) рассказ рассказчика;
  - 3) необъектное слово героя-носителя (частично) авторских замыслов.

Это значит, что при понижении объектности авторы стремятся к слиянию голосов, т. е. к слову первого лица (объектному).

2. Разнонаправленное двуголосое слово:

- 1) пародия со всеми ее оттенками;
- 2) пародийный рассказ;
- 3) слово пародийно изображенного героя;
- 4) всякая передача чужого слова с переменной акцента.

Имеется в виду активизация писателем чужих мыслей, которые внутренне диалогизируются и стремятся к распределению на два слова (два голоса).

3. Активный тип (отраженное чужое слово):

- 1) скрытая внутренняя полемика;
- 2) всякое слово с оглядкой на чужое слово;
- 3) реплика диалога;
- 4) скрытый диалог.

В данном случае чужое слово активно воздействует извне. Возможны разнообразные формы взаимоотношения с чужим словом и различные степени его деформирующего влияния.

На примере данной типологии можно утверждать, что диалогизм (двуголосие), или интертекстуальное начало, позволяет говорить о выходе текста в другие тексты, культурные коды и знаки. Ведь практически любой текст, по Ю. Кристевой, – это «диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [32; с. 167].

Одной из самых простых классификаций можно по праву назвать систему И.В. Арнольд. Она различает внешнюю и внутреннюю интертекстуальность: при внешней интертекстуальности смена субъекта речи – реальная, то есть цитата действительно принадлежит другому

автору, внутренняя же интертекстуальность является по большей степени фиктивной [32; с. 422].

Интересную модель интертекстуальности предлагают М. Пфистер и У. Бройх. Исследователи разделяют отношения между двумя конкретными текстами («однотекстовая референция») и между текстом и системой текстов («системно-текстовая референция»). В дальнейшем два этих типа взаимодействия дифференцируются на основе 6 качественных критериев, определяющих интенсивность интертекстуальных отсылок. Учитываются следующие критерии:

1) референциальность (отношения между текстами тем интенсивнее, чем в большей степени один текст тематизирует другой, раскрывая его специфичность);

2) коммуникативность (степень осознанности интертекстуальной отсылки со стороны автора и реципиента);

3) рефлексивность (показывает, что автор не только осознанно и явно маркирует интертекстуальные отсылки, но и уделяет особое значение метакоммуникативному аспекту, т. е. разъясняет обусловленность интертекстуальной включенности другого текста);

4) структуральность (определяет, в какой степени предтекст становится структурной основой для нового целого текста);

5) селективность, или избирательность (уточняет степень отчетливости и показательности заимствования в новом контексте);

6) диалогичность (определяет характер новой контекстуализации заимствованного фрагмента, степень его дистанцированности или ассимилированности с новым принимающим контекстом [31; с. 194-195].

Качественные критерии, по М. Пфистеру, дополняются такими количественными параметрами, как плотность и количество введенных во взаимодействие текстов. Совместно с соответствующими качественными

параметрами они определяют общую интенсивность интертекстуальности в конкретном текстовом примере [19; с. 196].

Логичностью и последовательностью отличается классификация, предложенная П. Торопом. Он пользуется термином «интекст», под которым понимает «семантически насыщенную часть текста, смысл и функция которой определяется по крайней мере двойным описанием» [24; с. 120]. При классификации интекстов ученый принимает во внимание способ примыкания метатекста к прототексту (утвердительный или полемический), уровень примыкания (явный или скрытый), а также фрагментарность или целостность примыкающего текста [24; с. 120].

Ж. Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» предлагает следующую классификацию:

1) интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.);

2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;

3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;

4) гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого;

5) архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов [24; с. 121].

Свою типологию интертекстуальности разработала также Н. Пьеге-Гро. Она вслед за Женеттом различает два типа межтекстовых связей – отношения соприсутствия двух или нескольких текстов и связи, основанные на производности. Кроме того, для полного понимания своеобразия форм интертекстуальности исследовательница вводит

противопоставление между имплицитными и эксплицитными связями.

Н. Пьеге-Гро выделяет:

1) отношения соприсутствия (сюда она относит цитату, референцию, плагиат, аллюзию);

2) отношения деривации (основные виды – пародия, бурлескная травестия, стилизация) [27; с. 84–110].

Н.А. Фатеева на основе классификации Ж. Женетта с учетом принципов и замечаний, предложенных П. Торопом, создала свою классификацию типов межтекстового взаимодействия [24; с. 120–159].

Исследователь подразделяет интертекстуальные элементы на собственно интертекстуальные, образующие конструкцию «текст в тексте»; паратекстуальные; метатекстуальные; гипертекстуальные; архитекстуальные, разграничив данные виды на подвиды:

1. Собственно интертекстуальность, образующая конструкцию «текст в тексте»:

1.1. Цитаты.

1.1.2. Цитаты с атрибуцией.

1.1.3. Цитаты без атрибуции.

1.2. Аллюзии

1.2.1. Аллюзии без атрибуции.

1.2.2. Аллюзии с атрибуцией.

1.3. Центонные тексты.

2. Паратекстуальность или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию:

2.1. Цитаты – заглавия.

2.2. Эпиграфы.

3. Метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на претекста:

3.1. Интертекст – пересказ.

3.2. Вариации на тему претекста.

3.3. Дописывание чужого текста.

3.4. Языковая игра с претекстом.

4. Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого

5. Архитекстуальность как жанровая связь текстов.

6. Иные модели и случаи интертекстуальности:

6.1. Интертекст как троп или стилистическая фигура.

6.2. Интермедиаальные тропы и стилистические фигуры.

6.3. Заимствование приема.

7. Поэтическая парадигма.

Собственно-интертекстуальные элементы, представляющие собой «текст в тексте», подразделяются на цитаты и аллюзии. Цитата непосредственно воспроизводит фрагмент текста другого произведения. Среди цитат выделяется несколько типов: цитата, оформленная по правилам цитирования с указанием автора; цитаты с точной атрибуцией, но не точным воспроизведением образца, характеризующиеся отсылкой к автору строк, но с некоторым нарушением оригинального текста; атрибутированные переводные цитаты, которые раскрываются в комментариях, пояснениях и т.п.; цитаты с расширенной атрибуцией, что, как правило, отражается в неопределенности принадлежности текста, на который приводится ссылка. Цитата определяется по формальным признакам – заключение в кавычки.

Другой группой собственно-интертекстуальных элементов по Фатеевой являются аллюзии, которые состоят в заимствовании элементов узнаваемого текста, написанного другим автором. Причем подобные заимствования не являются системными и проявляются только в повторе отдельных элементов. Аллюзии преимущественно реализуются в реконструкции при повторении текста предшественника с дополнением новыми элементами.

Интертекстуальность может рассматриваться как специфическая разновидность прецедентности, но большинство исследователей придерживаются мнения, что, наоборот, интертекстуальность шире, чем прецедентность. Формы проявления интертекстуальных отношений разнообразны, поэтому на сегодняшний день существуют несколько классификаций интертекстуальных элементов и межтекстовых связей. В главе были рассмотрены классификации, разработанные Ю. Кристевой, И.В. Арнольд, М. Пфистером и У. Бройхом, Л. Женни, П. Торопом, Ж. Женеттом, Н. Пьеге-Гро.

Из этого всего можно сделать вывод, что классификация Н.А. Фатеевой является более актуальной для нашего исследования по ряду причин:

- 1) подход Фатеевой по сравнению с другими учеными считается более системным для выделения интертекстуальных элементов;
- 2) классификация является, безусловно, авторитетной;
- 3) для нашего исследования эта концепция является наиболее удобной, потому что она сочетает в себе все разновидности приемов заимствования в тексте.

Концепция считается удачной и потому что Фатеева четко структурирует модели интетекста, но и подразделяет их на подгруппы по общему признаку. Например: в группе аллюзии подразделяется еще на атрибутированные и неатрибутированные, что позволяет структурировать наши наблюдения.

Выводы по главе 1

Термин «интертекстуальность» достаточно новый для современного литературоведения и поэтому до сих пор остается открытым вопрос об объеме и глубине понятия «интертекстуальность».

Многие именитые исследователи пишут о проблеме обесценивания термина «интертекстуальность», решение которой требует первоначально выяснения статуса интертекстуальности в исследовании текстуальности в целом. Исходя из этого, противопоставляются две модели интертекстуальности: широкая (радикальная) и более узкая (в разных теориях – литературоведческая и лингвистическая).

Под радикальной моделью интертекстуальность предполагает понимание всякого текста как интертекста. При таком подходе в центре внимания оказываются не столько тексты, сколько отношения между ними, что малопродуктивно для практики конкретного лингвистического анализа. Поэтому широкой концепции интертекстуальности противопоставлена узкая, при которой задачи интертекстуальности сводятся к фактическому обозначению типа отношений, в которые один конкретный текст вступает с другим или другими. Так, в рамках узкой концепции интертекстуальности, В.Е. Чернявская трактует интертекстуальность как категорию текстовой открытости, выделяя несколько ее граней. Обращаясь к механизмам интертекстуальности, Н.А. Фатеева подчеркивает, что при интертекстуальном взаимодействии происходит заимствование не одного элемента, а целого «комплекса поэтической мысли» или самого «кода иносказания», который включает в себя семантические комплексы, обладающие неоднородной структурой, – метатропы, представленные несколькими типами: ситуативные, концептуальные, композиционные и собственно операциональные. Актуальной представляется проблема соотношения понятий «интертекстуальность» и «прецедентность».

В данной работе мы будем придерживаться концепции Н.А. Фатеевой в силу того, что специфика нашего исследования требует четкого разграничения и структуризации материала. Фатеева не только разграничивает модели интертекста, но и внутри классификации подразделяет на подгруппы.

ГЛАВА 2. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОЭМЫ С.А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

2.1 Особенности анализа поэмы С.А. Есенина «Черный человек» в аспекте интертекстуальных связей

Установление объема художественного поля, в контексте которого формировалась поэма, может быть отправной точкой целостного анализа последнего крупного произведения С.А. Есенина. На сегодняшний день истоки поэмы «Черный человек», выявлены далеко не в полном объеме. Нет ни одного обобщающего исследования, способного раскрыть всю гамму литературных параллелей и прототипов героев этого произведения.

На это есть свои причины, одна из них проблема интерпретации произведения. Особенности анализа поэмы заключаются в следующем: совмещение биографического материала и художественной условности, которые тесно переплетены в самом произведении, что мешает вычленению художественный вымысла из фактов реальности жизни поэта.

Так, современные литературоведы О. Воронова, Е. Наумов, Н. Шубникова-Гусева, Р. Комаров, Г. Ойцевич и др. выявили параллели «Черного человека» с библейскими текстами и апокрифами, а также с традиционными сюжетами о черте.

Литературовед Г. Ойцевич, в своей статье «Новый комментарий к «Черному человеку» С.А. Есенина» проводит параллели с чертом: «Если помнить, что с чёртом обычно ассоциируется чёрный цвет, то становится очевиден оксюморон, содержащийся в сравнении «Снег до дьявола чист» [12; с.4]. Природу наполняет плач метели, который усиливает беспокойство и страх. Непрошенный гость открывает фрагменты биографии знаменитого человека, подчёркивая в прошлом его «любовь к приключениям и к риску» [12; с. 2].

Еще один пример, А.С. Субботин в одной из своих статей сделал вывод после неожиданного прочтения «темной» строфы из есенинского «Черного человека»:

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь [25; с. 2].

Он считает, что, главное в этих строчках – ударение на первом слоге в слове «но́ги». «Тогда-то явственно видна «нечистая сила» (та самая, что у любимого есенинского писателя Гоголя панночкой-ведьмой ездила верхом на Хоме Бруте), оседлавшая героя «Черного человека» («поэмой сопротивления» назвал это произведение Субботин) [23; с. 177-179].

Также подробно исследованы параллели поэмы Есенина с фольклорным произведениями. В научной литературе обосновано положение о том, что поэма Есенина восходит к многократно использованным фольклором и литературой притчам о черте, бесе, Мефистофеле, нечистом, «лукавом» – «Повесть о Горе-Злочастии», «Красный карбункул» и др.

Данное исследование расширяет границы анализа интертекстуальных заимствований поэмы «Черный человек» к текстам русской литературы, разделяя их по временному признаку:

1. Интертекстуальные элементы заимствования из русской литературы XIX века: А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери», Н.В. Гоголь «Портрет», Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», А.П. Чехов «Черный монах», К.Батюшков «Мысли о литературе».

2. Интертекстуальные отсылки к современникам поэта, к литературе XX века: А. Блок «Двойник», З.Гиппиус «Иван Иванович и черт», В. Брюсов «Огненный ангел», Л. Андреев «Черные маски».

2.2 Элементы литературной переклички с русской литературой XIX века

Интертекстуальные связи с трагедией А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»

Литературоведам, изучающим творчество Есенина, известно высказывание С.А. Есениной-Толстой о том, что сам поэт не раз упоминал: на него оказал влияние пушкинский «Моцарт и Сальери». Это сообщение оказало свою роль в подходе к исследованию поэмы и отходу от привычных представлений о «Черном человеке». Явные параллели в произведении трудно не заметить, но утверждать, что ими исчерпывается воздействие одного литературного явления на другое также нельзя.

С.А. Толстая-Есенина писала: «Говоря об этой вещи, он «Есенин» не раз упоминал о влиянии на нее пушкинского «Моцарта и Сальери» [12; с. 263]. Поэт подразумевал не только вторую сцену трагедии, действие, которой происходит в маленьком трактире.

То, что С.А. Есенин «с особым преклонением относился к А.С. Пушкину» [16; с. 78] – общеизвестный факт. Есенин с юных лет знал все произведения Александра Сергеевича в совершенстве и перечитывал их на протяжении всей жизни. В.А. Мануйлов, который встречался с Есениным в 1921-1922 и 1924-1925 гг., вспоминал: «Есенин любил Пушкина больше всех поэтов в мире. И не только его поэзию, прозу, драматургию, он любил Пушкина-человека. Это был самый светлый, самый дорогой его идеал» [8; с. 176].

Мы можем предположить, что существует более глубокая связь между художественными концепциями, разделенными во времени целым столетием. И дело совсем не во внешнем сходстве этих образов. Близость авторских трактовок сближает образы черного человека у А.С. Пушкина и С.А. Есенина, сходство идей делает их как бы одним целым. Основа их замысла заключается в оппозиции «светлого и темного», подлинного и

ложного, гения и злодейства. Образ черного человека у Есенина это, если можно так сказать, видоизмененный образ пушкинского Сальери.

По мнению В.Г. Белинского, «как ум, как сознание, Сальери гораздо выше Моцарта, но как непосредственная творческая сила, он ничто перед ним...»[3; с. 189]. Можно предположить, что сама простота Моцарта, его неспособность ценить себя самого еще больше раздражают Сальери. Он не тому завидует, что Моцарт выше его, превосходство он мог бы вынести благородно, но тому, что он ничто перед Моцартом, потому что тот гений, а талант перед гением – ничто... Сальери живет умом, Моцартом руководит его гений. Не такова ли условная картина в поэме Есенина: черный человек доказывает (а доказательство неотделимо от логики, которая, в свою очередь, порождена рационализмом) противнику, что тот «жулик и вор,... Так бесстыдно и нагло... Обокравший кого-то» [5; с. 16]. Доказательство его выверено до мелочей, рациональность черного человека очевидна. В противовес этому, для Моцарта и лирического героя поэмы С. Есенина рационализм сознания чужд. Герои Есенина и Пушкина живут в ином мире: чувства, образы-переживания (некий гений) – то объединяющее начало, которое движет ими.

Из всего вышесказанного можно сделать заключение: сравнивая Сальери с черным человеком, можно предположить, что они словно ложные тени лирических героев.

Исследовательница Н. Шубникова-Гусева высказывает свое предположение, что неоднократные ссылки Есенина на Пушкина объясняются тем, «что Пушкин и Моцарт были масонами; и Моцарт в своей известной опере «Волшебная флейта» отразил масонские тайны. Есть предположение, что близость к этой тайной, революционной, но разрушающей основы национального бытия организации погубила А. Пушкина. Известно, что и С. Есенин интересовался масонскими легендами, обрядовой символикой, условными жестами масонов» [39; с. 89].

Поэтому, исследуя поэму «Черный человек» в литературном контексте, следует различать типологические связи, проявляющиеся на уровне «общности постижения глубинных пластов... жизни в ее социально-историческом и нравственно-этическом аспектах и внешние влияния на сюжет, систему образов поэмы и т.д.

Очевидные параллели трудно не заметить, но нельзя утверждать, что этим и исчерпывается литературное влияние одного на другое. Можно предположить, что существует более глубокая связь между концепциями, и дело не во внешнем сходстве этих двух образов. Близость авторских трактовок выражения чувств и переживаний, сходство идей – это все то, что объединяет и сближает «черного человека» у А.С. Пушкина и С.А. Есенина. Оппозиция возникает на уровне подлинного и ложного, «светлого» и «темного», правды и лжи есть основа их общего замысла. Другими словами, есенинский черный человек это модифицированный образ Сальери А.С. Пушкина.

В поэме встречается метатекстуальность, а именно, интетекст-пересказ в чистом виде: она и отсылает нас к Пушкинскому «Моцарту и Сальери». Например: у Пушкина образ человека заключен в строчках: «Мне день и ночь покоя не дает... Мне кажется он сам – третьей» [11; с. 167]. У Есенина образ приобретает более яркие очертания: «На кровать мне садится Черный человек... Спать мне не дает всю ночь» [11; с. 169].

Таким образом, отсылка поэмы «Черный человек» к пушкинскому претексту представлена по классификации Н.А. Фатеевой приемом метатекстуальности, а именно в виде интертекста-пересказа, данный прием расширяет поле восприятия поэмы, расставляет нужные смысловые акценты и помогает лучше понять данное произведение. Упоминание Пушкина выполняет экспрессивную функцию, благодаря отсылкам к поэту читателю становятся понятны культурные ориентиры автора. Переплетая между собой образы Сальери и Черного человека, Есенин раскрывает

самого «Черного человека», делая не только образ неповторимым, но и приоткрывая завесу тайны самой поэмы.

*Интертекстуальные отсылки к «Мыслям о литературе»
К. Батюшкова*

При анализе поэмы в аспекте связей с другими произведениями и их авторами, явной становится параллель поэмы С. Есенина и образа, созданного К. Батюшковым в его «Мыслях о литературе»: «Недавно я имел случай познакомиться со странным человеком, каких много! Вот некоторые черты его характера и жизни. Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь – завтра ударится в мысли, в религию и стал мрачнее инок. Лице у него доброе, как сердце, но столь же непостоянно»; «В нем два человека: один – добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой человек ... злой, коварный, завистливый, жадный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Этот человек, то есть черный – прямой урод. Оба человека живут в одном теле. Так найдешь доброго: надо только смотреть пристально и долго»; «Белый человек спасает черного слезами перед творцом, слезами живого раскаяния и добрыми поступками перед людьми. Дурной человек все портит и всему мешают...»; «...эти два человека, или сей один человек...» – «Это я!» [13; с. 215].

Из наших наблюдений можно сделать вывод, что приём интертекстуальности, а именно аллюзивная отсылка, организует единую связь с произведениями, способствует установлению содержательной художественной единой системы, а так же способствует развитию главной единой темы двойничества. В данном случае аллюзия выполняет апеллятивную функцию. Есенин обращается к читателям, способным опознать интертекстуальную отсылку, понять его замысел и оценить его.

Переключки поэмы С.А. Есенина с произведениями Ф.М. Достоевского

При анализе поэмы так же можно наблюдать сходство с творчеством Ф.М. Достоевского. Можно увидеть корни поэмы С. Есенина в романе «Братья Карамазовы», представляя вслед за Л. Долгополовым поэму как вариацию на тему ночного кошмара Ивана Федоровича, его разговора с чертом-двойником. Приведем следующие параллели из «Черного человека» и «Братьев Карамазовых»: стакан Ивана, брошенный в черта, трансформируется у Есенина в трость; черный человек и посетитель Карамазова именуется одинаково – гость и т.п. Соотнесение этих произведений оправдано, тем более что сам поэт неоднократно говорил о своем интересе к творчеству Ф. Достоевского. Но в этом проявился только внешний, формальный уровень соответствия (проведя линию аналогий вдаль, мы получим параллель с образом черного человека в романе В. Шишкова «Угрюм-река», который так же «позаимствован» у Достоевского). Связь поэмы и романа (отметим их во многом итоговый характер – «Черный человек» и «Братья Карамазовы» создавались незадолго до смерти авторов) прослеживается и на более высоком уровне: символики цвета в христианской традиции, исповедальности и мистификации и раздвоенности.

Наша задача проследить, в какой точке соприкасаются образы, проникнуть в самую сущность, идею образа черного человека, которая, бесспорно, скрыта в образном представлении.

Неоднократно подчеркиваемый мотив одиночества, зеркальности, позволяет говорить о раздвоенности сознания героя, о двойничестве. Л. Долгополов, касаясь темы двойников в творчестве Ф. Достоевского и С. Есенина, упускает из виду повесть Ф. Достоевского «Двойник», где конфликт с внешней средой постепенно перерастает во внутренний конфликт. В поэме «Черный человек» ощущается аналогичный разрыв двух начал человеческой души.

«Черный человек» у Есенина, кто бы он не был – черт, гость, двойник, больная совесть, он сводит с ума. Он страшен, он так пугает и поэта и нас, читателей, именно тем, что он сознательно сводит с ума. Только там герой – философ, а тут поэт. Поэтому там тема речей Черного человека – это устройство вселенной, Христос и Великий инквизитор, а тут – безоблачное чистое детство, любовь, надежды юного таланта, беспорядочная жизнь героя. У Карамазова за плечами совершенная подлость, у есенинского героя «осыпает мозги алкоголь». Каждый сходит с ума из-за своих причин, но очень похожим образом.

И второе открытие – «разбитое зеркало» в конце поэмы, к сожалению, вовсе не светлый луч надежды на победу, а как раз наоборот – это приговор. Победить черта нельзя. (Побеждали чертей только гоголевские герои, но и то не всяких – вспомним всем известного Вяя и Хому Брута). Но черта, которая является твоим собственным двойником, порождением собственных мыслей и угрызений совести за преступление или глупо прожитую жизнь – такого черта не то, что нельзя победить, а даже напротив – борьба с ним, то есть с самим же собой, только приближает собственный финал.

Так же можно проследить необычную «схожесть судеб» Есенин погиб менее чем через месяц после окончания «Черного человека», а Достоевский ушел из жизни через четыре месяца после «Братьев Карамазовых».

Как мы видим, метатекстуальная отсылка к Достоевскому помогает нам глубже понять философский смысл поэмы. Она организует единую связь с художественным произведением и расставляет нужные смысловые акценты.

Другими словами, интертекст-пересказ помогает нам в организации художественного пространства, выполняя характерологическую функцию, он играет особую роль в развертывании основного мотива поэмы и выступает своего рода ключом к подтексту.

Интертекстуальные параллели с повестью «Портрет» Н.В. Гоголя

Множество аналогий прослеживается между поэмой С.А. Есенина «Черный человек» и «Портретом» Н.В. Гоголя. «Правда, – подмечает А. Марченко, – как всегда у Есенина, эти связи спрятаны очень глубоко. Это не обычные литературные реминисценции, а зашифрованные намеки, не видимые для зрителей переглядывания» [30; с. 48]. Подробный анализ именно этой параллели позволяет проследить, «как мечтатель сельский превратился в модного поэта»: этот путь по мысли черного человека – уход в суету «страны громил и шарлатанов» [27; с. 156] – закономерен. Известный литературовед Н.И. Шубникова-Гусева в своей книге «Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Черного человека» вслед за А. Марченко утверждает, что «Портрет» Н.В. Гоголя является одним из первоисточников Есенинской поэмы. Замысел «Черного человека» подобно «Портрету» восходит к фольклорным истокам – сказке о художнике, продавшему свой дар и душу дьяволу. Портрет как бы восполняет упущенное в поэме, а именно рассказ о том, «как мечтатель сельский превратился в модного поэта». Сама А.М. Марченко подмечает даже умение героев произведений носить одежду.

Исходя из этого можно сделать заключение, что в данных произведениях можно увидеть интертекстуальные отсылки типа реминесценций, они организуют художественное поле, помогают понять замысел поэмы. Можно так же сказать, что данные реминесценции служат для связи текста и выражает намерение автора. Декодирование реминесценций тесно связано с точкой зрения автора и читателя на рассматриваемую проблему. У Есенина таковой проблемой является тема раздвоенности личности и души.

Интертекстуальные отсылки к «Черному монаху» А.П. Чехова

Связь «Черного монаха» А. Чехова и «Черного Человека» Есенина можно проследить не только на текстовом уровне, но и на уровне восприятия данных произведений самыми именитыми критиками. О своем

«Черном монахе» А.П. Чехов писал так: «На горизонте, точно вихрь или смерч, поднимался от земли до неба высокий черный столб. Контуры у него были неясны, но в первое же мгновение можно было понять, что он не стоял на месте, а двигался с страшную быстротой, двигался именно сюда, прямо на Коврина, и чем ближе он подвигался, тем становился все меньше и яснее. Коврин бросился в сторону, в рожь, чтобы дать ему дорогу, и едва успел это сделать...» [31; с.48]. Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо....

Отсылка к «Черному монаху» А.П. Чехова прослеживается на уровне текста и на уровне восприятия данных произведений критикой. Выход «Черного монаха» дал повод о возникновении слухов о психическом расстройстве Чехова. Сам же он писал, что во время работы над «Черным монахом» его ум был холоден и «унылых мыслей» у него не наблюдалось [29; с. 12]. Во всяком случае, эта связь не более чем формальная, нежели глубокая, психологическая.

Таким образом, мы можем сделать выводы, что связь Есенина с Чеховским «Черным монахом» не несет в себе каких-то либо смысловых нагрузок. Она прослеживается на уровне восприятия текста читателями и критиками. Даже можно предположить, что прилагательное «черный», которое фигурирует в названиях данных произведений, подогревают разговоры об этой связи.

2.3 Интертекстуальный диалог С. Есенина с современниками

Связь «Черного человека» С. Есенина с «Двойником» А. Блока

При интетекстуальном анализе можно наблюдать связь поэмы С. Есенина и со стихотворением А. Блока «Двойник», в котором, как и в «Черном человеке», отсутствует своего рода ритмическая напевность, что обоим поэтам не характерно.

Так же сближает оба произведения схожие стихотворные формы, помимо ритмической и интонационной схожести наблюдается объединяющий кризис души, который испытывали оба поэта и особая его передача – от первого лица. Но, наиболее важное здесь для нас – это мотив «святого воспоминания молодости». Блок уводит своего лирического героя в светлую юность, Есенин же топит своего героя в трясине. Е.Д. Максимов считает оба эти произведения «своеобразной триадой, когда при столкновении двух тем рождается третья» [9; с.40], соотнеся, таким образом, тематические структуры текстов.

Тема двойничества широко разработана А. Блоком, уже в его ранних произведениях присутствует целая гамма двойников – для А. Блока это «явление пути, неизбежный феномен развития поэта» [3; с. 135]. Это явление, оставаясь во всех случаях нарушением цельности личности, принимало у А. Блока разные формы и сопровождало его поэзию на всем ее протяжении... При этом двойники возникали не только из глубины лирического «Я» Блока или его лирического героя как реализация внутренних противоречий, но и «насыпалась» на него чужой жизнью, у позднего А. Блока – «страшным миром», который стремится проникнуть внутрь личности.

Любое блоковское, так же в равной степени как и есенинское, произведение несомненно спаяно со всем творчеством поэта. Следовательно, вполне правомерно говорить о связи поэмы «Черный человек» не только с отдельным стихотворением «Двойник», но со всем циклом А. Блока «Страшный мир» с его карнавалом двойников-масок. Образы-символы праздной души, вьюги, метели, девы, зеркала, тумана, крови и ночи определяют символический строй цикла.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что интетрекстаульные аллюзии с блоковским «Двойником» служат для организации художественного поля поэмы, для углубления смысла.

Продолжает развиваться тема двоemiрия и двойничества судеб лирических героев.

Интертекстуальная связь поэмы «Черный человек» С. Есенина и рассказа «Иван Иванович и Черт» З. Гиппиус

Явное сходство можно наблюдать и со сказкой Зинаиды Гиппиус, которая была современником Есенина и была в числе первых «именитых поэтов», которые писали рецензии на его стихи.

Творчество Есенина во многом несет полемику по отношению к творчеству З. Гиппиус и, что немаловажно, ни в коем образе не поддерживает его эстетические черты и принципы художественности. Однако, нельзя игнорировать данное произведение, тем более, в сказке Гиппиус затронута та тема двойничества, которая волновала и самого Есенина.

В рамках нашего исследования попробуем провести параллели между сказкой «Иван Иванович и черт» Гиппиус и «Черным человеком» Есенина. В сказке черт предстает нам «странным приятелем» и «близким гостем», у него нет имён и кличек. Черный человек у Есенина, так же, как и черт у Гиппиус не имеет лица, он безличен. Автор не забывает обратить внимания на костюм нашего «гостя»: «Приподняв свой цилиндр... И откинув небрежно сюртук» [6; с. 134], он обращает наше внимание на его манеру держать себя, отмечает из безупречность, так же обращает внимание на его голос – гнусавый и неприятный, когда в сказе Гиппиус у «Черта оказался неприятный фальцет» [6; с. 156]. Описание лица черного человека не дано, его дорисовывает наше воображение. Впрочем, можно сказать, что отсутствие лица «прескверного гостя», на наш взгляд можно объяснить тем, что внешность черта это общеизвестный факт, и она не играет особой роли, между тем, отсутствие лица частично можно компенсировать зеркалом. Но, можно сказать, что это утверждение весьма спорное – до сих пор литературоведы и критики не пришли к единому мнению.

Сходство в развитии сюжетов также обнаружить не трудно: приход черта (черного человека), диалог, который плавно перетекает в диспут, сон черта (книга черного человека), попытка уничтожить гостя: когда черт рассказывает сон, «...Иван Иванович, который все время сидел не шевелясь, с полузакрытыми глазами, словно убаюканный переливчатым голосом рассказчика, вдруг вскочил. Так внезапно, что загрохотало опрокинутое кресло. И, схватив со стола тяжелый чугунный пресс, с силой пустил его в лицо собеседника. Хотя пресс полетел прямо, а жертва не уклонилась, – трагического почему-то не произошло; чугун только загремел в дальнем углу, ударившись об пол. Иван Иванович ничего не видел. Он даже не кричал, а вопил, орал, вряд ли понимая сам свои беспорядочные слова» [14; с.145].

Исходя, из наших наблюдений можно сделать вывод, что интертекстуальные связи с З. Гиппиус не более чем аллюзия. В данном случае аллюзия выполняет апеллятивную функцию. Автор обращается к читателям, способным опознать интертекстуальную ссылку, и оценить её выбор. Так же продолжает развиваться тема двоемирия, заявленная в поэме. Мастерство и глубина поднятых философских тем в поэме, даёт право Есенину называться носителем и продолжателем традиций великой русской литературы.

Интертекстуальные отсылки к роману В. Брюсова «Огненный ангел»

В рамках нашего исследования попытаемся найти и другие связи с современниками Сергея Есенина. Для этого мы обратимся к другому значимому произведению серебряного века, а именно, к роману В. Брюсова «Огненный ангел».

Связи можно увидеть на уровне образов лунного светила. Брюсовская луна, так же, как и в поэме С.Есенина ассоциируется с темными, злыми силами – демонами. Отсюда и возникает небезызвестный мотив демониады, который идет еще с прошлого столетия. У С. Есенина

связь с демонами в большей степени носит скрытый характер, нежели, чем у В. Брюсова. В его «Огненном ангеле» эта связь, можно сказать, лежит на поверхности. Это легко можно объяснить спецификой времени, фольклорно-мифологическим восприятием автора рукописи и временными рамками (действие повести развивается в 16 веке).

Образ луны заключен в сточках: «...Женщины, ведшие меня, остановились, и я увидел, что то был Некто... до пояса, как человек, а ниже, как козел... из черных курчавых волос определенно подымалось три рога: два меньших сзади и один большой спереди, а вокруг рогов была надета корона, по видимости, серебряная, изливавшая тихое сияние, подобное свету луны» [9; с.45].

Так же лунный образ многократно встречается и в контексте соотношений с образами различных демонов. В свою очередь лунной символике противопоставлена солярная. Сравним строчки из Есенинского «Черного человека» с романом Брюсова: «Было Ренате лет восемь, когда впервые явился ей в комнате, в солнечном луче, ангел, весь как бы огненный, в белоснежной одежде. Лицо его блистало, глаза были голубые, как небо, а волосы, словно из тонких золотых ниток» [9; с.54]. У Есенина образ мальчика представлен следующим образом: «Жил мальчик // В простой крестьянской семье,.. Желтоволосый ... С голубыми глазами...» [11; с. 2]. В данном случае видно очевидное сходство поэмы с романом.

Так же предметом нашего интереса являются сравнения описаний демонов у В. Брюсова в романе «Огненный ангел» и в «Черном человеке» С. Есенина. При соотношении образов можно увидеть, что демоны эти имеют вид человека, одеты «в противоположность ангелам», т.е. во все черное, передвигаются беззвучно и можно сказать, что плывут.

По словам героини романа «Огненные ангелы» черный человек даже не дьявол, а намного хуже, он черт. Здесь даже можно вспомнить «ночных гостей» Ивана Ивановича З. Гиппиус и Ивана Карамазова из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. На этом уровне и прослеживается

мотив дьяволиады, который берез начало задолго до появления «Черного человека» и самого Есенина.

Только проникновение некой демонической силы могло способствовать появлению символов-оборотней и дьяволов.

Логично предположить, что С. Есенину «нужен традиционный, универсальный сказочный образ, ему нужен фольклорный поворот, чтобы сдвинуть изображение в сторону вымысла, ввести фантастический и эпический (!) элемент»[15; с. 3] в свою поэму. Впрочем, следует быть очень осторожным и не преувеличивать влияние на поэму подобных мотивов.

Таким образом, можно сделать вывод, что метатекстуальность, использованная Есениным продолжает традиции дьяволиады, проявившейся на уровне сравнения поэмы с романом «Братья Карамазовы», что помогает нам понять философский смысл поэмы и грамотно трактовать задуманные образы, и выполняет характерологическую функцию. Мистификация поэмы служит и для организации художественного поля и открывает нам двери к познанию глубокого замысла поэмы.

Связь «Черного человека» с произведением Л. Андреева «Черные Маски»

В рамках изучения интертекстуальных связей в поэме С.А. Есенина «Черный человек» можно увидеть, что поэма особым образом соотносится с творчеством современников поэта, в частности, с творчеством Л. Андреева.

Философский контекст всего творчества Л. Андреева всегда привлекал внимание литературоведов и критиков. Его произведения, письма и даже дневники представляют интереснейшие философские источники постижения человека той эпохи.

В частности, рассматривая его творчество с точки зрения экзистенциальной философии можно сделать вывод, что его трагедийная

пьеса «Черные маски» является одним из источников Есенинского «Черного человека».

В его «Черных масках» присутствуют любопытные параллели, в которых проявляются уже известные нам мотивы двойничества на уровне. Например, борьба в душе Лоренцо из «Черных масок» двух начал – Дьявольского и Божественного, самих Сатаны и Бога, здесь невозможно провести грань между здоровым и больным Лоренцо, все эти факторы лишь дополняют драматический пафос этих двух произведений.

Хотя литературоведы Станислав и Сергей Куняевы это отрицают, драматургичность поэмы это очевидный факт. Здесь налицо все особенности жанра драмы, в том числе и идея катарсиса – трагического очищения. Исследователь Лессинг, анализируя природу катарсиса, считал именно идею очищения прерогативой именно драматического произведения, где чрезвычайно высокая концентрация чувства и мыслей, так же не обходит стороной и гиперболизацию страстей. Все это и определяет средство выявления глубинной правды жизни.

Литературная переключка и полемика в выяснении эстетической мысли поэмы «Черный человек» играют одну из ведущих ролей. В большей мере это относится к полемике, так как исследуемое произведение полемично не только внутренне, но и внешне.

Исходя из всего вышперечисленного, можно сделать вывод о роли интертекстуальности на уровне связей есенинского Черного человека с произведением Л. Андреева «Черные маски». Связь представлена посредством аллюзий, которые выполняют экспрессивную функцию, продолжают развивать мотив двойничества, заявленный еще в сравнении с Блоком.

Выводы по 2 главе

При изучении и анализе поэмы С.А. Есенина «Черный Человек» мы установили, что данное произведение отличается обширным набором

интертекстуальных включений, таких как: реминисценции, аллюзии, наблюдается так же метатекстуальность, а именно, интертекст-пересказ. Все эти упоминания помогают авторские ориентиры и авторскую интенцию, а так же дают читателям ключи-подсказки, которые помогают понять и прочесть образы, задуманные автором.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Самым частым элементом интертекстуальности у С.А. Есенина по праву можно считать метатекстуальность. Элементы интертекста-пересказа обнаружены на уровне связей с Ф.М. Достоевским и Пушкиным. Это дает основания для расширения поля восприятия поэмы. Благодаря этим отсылкам читателю также становятся понятны культурные ориентиры автора.

2. В интертексте «Черного человека» С.А. Есенина заключены смыслопорождающая, экспрессивная и уточняющая функции, которые связывают поэму с тем или иным произведением.

3. Воздействие интертекста в поэме «Черный человек» С.А. Есенина опосредовано обращением автора к культурно-ценностным факторам, которые, в свою очередь, рассчитаны на побуждение читателя к авторскому видению проблематики.

4. На уровне связей поэмы с классической литературой можно увидеть развитие мотивов зеркальности, двойничества и демониады.

5. При сравнении поэмы с текстами современников Есенина можно увидеть сходные темы. Это служит развитию нового, антагоничного сложившемуся взгляда на проблематику поэмы, которая получила новую интерпретацию посредством отражения всего спектра параллелей, которые проявляются на уровне пафоса сюжета, системы образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании мы изучили интертекстуальные связи в поэме С.А. Есенина «Черный Человек». Была проанализирована сама теория интертекста, ее возможные классификации и подходы.

Во введении обозначены актуальность исследования, объект, предмет цели и задачи, гипотеза исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе рассматриваются теоретические основы и проблемы исследования: интертекстуальный аспект в литературоведении. Находя истоки интертекста как литературного понятия, в общенаучной классификации понимается как соотношение одного текста с другим, обеспечивающее превращение смысла в авторскую трактовку.

Интертекстуальное пространство, в границах которого зародились истоки нравственно-философских мотивов, и воплотилась эстетическая идея лиро-эпической поэмы.

При изучении феномена интертекстуальности мы столкнулись с тем, что на сегодняшний день существует необходимость в систематизации накопленного в ходе многолетних исследований опыта, требуется единая позиция в разработке универсальной концепции к подходу интертекстуального взаимодействия в текстах.

Во второй главе нашего исследования говорится об интертекстуальных взаимодействиях на примере конкретного произведения. Мы предприняли попытку к анализу поэмы С.А. Есенина «Черный Человек» в аспекте интертекстуальных связей, а так же систематизировали накопленный опыт в аспекте изучения данного произведения. В процессе своего исследования мы пришли к выводам, что поэт заимствует не только опыт писателей-классиков (например, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский), но и обращается к современникам: (А. Блок, З. Гиппиус, Л. Андреев).

Далее, проанализировав теоретический материал, мы наглядно, на примере поэмы С.А. Есенина «Черный человек» проиллюстрировали использованные в произведении виды интертекстуальности, выявили их функции в каждом случае и, получив, таким образом, ключи-подсказки к пониманию и точной трактовке образов, задуманных автором «Черного Человека».

При анализе литературных произведений мы пришли к следующим выводам:

1. В интертексте «Черного человека» С.А. Есенина заключены смыслопорождающая, экспрессивная и уточняющая функции, которые служат связи поэмы с тем или иным художественным произведением.

2. Воздействие интертекста в поэме «Черный человек» С.А. Есенина опосредовано обращением автора к культурно-ценностным факторам, которые, в свою очередь, рассчитаны на побуждение читателя к авторскому видению проблематики.

3. На уровне связей поэмы с классической литературой можно увидеть развитие мотивов зеркальности, двойничества и демониады.

4. Есенин в большей степени использует метатекстуальность как приём заимствования, благодаря этому становятся понятны культурные ориентиры поэта.

5. За счет функций, заключенных в интертекстуальности «Черного человека», замысел поэмы становится понятнее.

6. Влияние интертекста через развивающиеся мотивы демониады, двойничества и зеркальности, которые проходят сквозь века, служит для воздействия на читателя и рассчитаны на авторское видение проблематики поэмы. Это можно увидеть при сравнении «Черного человека» с текстами современников Есенина, в них прослеживается новый взгляд на поэму на уровне пафоса, мотивов и сюжета.

Помимо исследования поэмы С.А. Есенина «Черный Человек» мы предприняли попытку к решению методических задач. Изучив известные

школьные программы, мы пришли к выводам: в современной школе поэме уделяется не так много времени, в большинстве программ она предлагается для изучения на факультативных уроках.

Исходя из анализа школьных программ, и с учетом требований ФГОС нами был разработан экспериментальный конспект факультативного урока по изучению интертекстуальных связей в поэме «Черный Человек». Разработанный конспект может быть использован при непосредственной работе в школе при изучении данного произведения.

Решив поставленные задачи, мы пришли к выводу, что заявленная нами гипотеза о том, что привлечение внимания к изучению интертекстуальности на более высоком уровне позволит прийти к отчетливому пониманию этому феномену была верна.

Проведенное исследование имеет научную и практическую значимость. Перспектива исследования заключается в возможности дальнейшего развития изучения интертекстуальности при анализе других произведений, а также систематизации накопленного наследия и разработке методических рекомендаций по использованию интертекстуальности при изучении художественных произведений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений / Л. Н. Андреев. – Москва : Наука, 1990-1996. – 630 с. – ISBN 5-280-01528-8.
2. Баженова Е. А. Интертекстуальность. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной / Е. А. Баженова. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 696 с. – ISBN 5-89349-342-7.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1994. – 615 с. – ISBN 5-01-004408-0.
4. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков // . – Москва : Наука, 1977. – 616 с. – ISBN 5-211-04278-6.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 1996. – 732 с. – ISBN 5-98010-001-6.
6. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. / В. Г. Белинский. – Москва : Алт. кн. изд-во, – 1985. – 620 с.
7. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. Т.3. Стихотворения и поэмы. 1907-1921 / А. А. Блок. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 520 с.
8. Брюсов В. Огненный ангел / В. Брюсов. – Москва : Эксмо, 1993. – 430 с. – ISBN: 5-8352-0269-5.
9. Волков А. А. Художественные искания Есенина. / А. А. Волков. – Москва : Сов. писатель, 1976. – 440 с.
10. Воронова О. Е. Мотивы народной демонологии в поэме С. Есенина «Черный человек» / О. Е. Воронова // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 92–100.
11. Воронова О. Е. Религиозный символ в поэтическом контексте С. Есенина / О. Е. Воронова // Русская речь. – 1998. – № 3. – 14–20.

12. Воронова О. Е. Философский смысл поэмы Есенина «Черный человек» / О. Е. Воронова // Вопросы литературы. – 1997. – № 6. – С. 343–353.
13. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М. Л. Гаспаров // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – Москва : Наука, – 2002. – С. 357–358. – ISBN 5-93786-049-7.
14. Гете И. В. Фауст / И. В. Гёте. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2014. – 541 с. – ISBN 978-5-4453-0531-6.
15. Гиппиус З. Иван Иванович и черт. Сказка серебряного века / З. Гиппиус. – Москва : Издательство, 1994. – 25 с. – ISBN: 5-85255-507-X.
16. Гоголь Н. В. Портрет / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 1981. – 110 с. – ISBN: 5-08-001172-6.
17. Есенин С. А. Поэмы. / С. А. Есенин. – Москва : Эксмо, 2011. – 354 с. – ISBN 978-5-699-50245.
18. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – Москва : Науч. мир, 1982. – 76 с.
19. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977. – 407 с.
20. Карпов А. С. Поэмы Сергея Есенина / А. С. Карпов. – Москва : Высш. шк., 1989. – 108 с.
21. Короленко Ц. П. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – 21 с.
22. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. Филология. – 1995. – №1. – С. 97–124.
23. Кристева Ю. Разрушение поэтики. / Ю. Кристева // Вестник МГУ. Филология. – 1994. – №5. – С. 44–47.
24. Крученых А. Черная тайна Есенина. / А. Крученых. – Москва : Издательство, 1926. – 24 с.

25. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург, 1994. – 88 с. – ISBN 5-8291-0388-5.
26. Марченко А. Поэтический мир Есенина / А. Марченко. Москва : Издательство, 1989. – 29 с. – ISBN 5-265-00938-8.
27. Никё М. Поэма Сергея Есенина «Черный человек» в свете аггелизма / М. Никё // Русская литература. – 1990. – № 2. – С. 194–197.
28. Ойцевич Г. Новый комментарий к «Чёрному человеку» Сергея Есенина. / Г. Ойцевич // Есенин : [сайт]. – URL: <https://esenin.su/o-esenine/> (дата обращения: 08.03.2020).
29. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. / А.С.Пушкин // Русская виртуальная библиотека : [сайт]. – URL: <https://rvb.ru/pushkin/> (дата обращения: 22.02.2020).
30. Савченко Т. К. Поэтический цикл А. Блока «Страшный мир» и поэма С. Есенина «Черный человек» / Т. К. Савченко // Есенин академический. Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. – Москва : Наследие, 1995. – С. 181–189.
31. Сербин П. К. Изучение творчества С.А. Есенина в школе: пособие для учителя / П. К. Сербин. – Калинин: Рад. шк., 1986. – 176 с.
32. Строганов М. В. Автор – герой – читатель и проблема жанра: учебное пособие / М. В. Строганов. – Калинин: Рад. шк., 1989. – 83 с.
33. Субботин А. С. О поэзии и поэтике / А. С. Субботин. – Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1979. – 192 с.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. Т – Ящур / М. Фасмер. – Москва : Астрель: АСТ, 2009. – 860 с. – ISBN 5-7684-0022-2.
35. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Изв. АН. Серия литературы языка. Т. 56. – 1997. – № 5. – С. 12–21.

36. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Изв. АН Серия литературы и языка. Т. 57. – 1998. – №5. – С. 25–38.
37. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – Москва : КомКнига, 2007. – 280 с. – ISBN: 5-89218-124-3.
38. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : официальный сайт. – Москва, 2010. – URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 08.03.2020).
39. Чехов А. П. Черный монах / А. П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2011. – 448 с. – ISBN: 978-5-699-52649-9.
40. Шубникова-Гусева Н. И. Загадка десятой строки поэмы С.А. Есенина «Черный человек» (Текстологические заметки) / Н. И. Шубникова-Гусева // Есенин академический. Новое о Есенине. – Москва: Наследие, 1995. – 94 с.
41. Шубникова-Гусева Н. И. «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством/ Н. И. Шубникова-Гусева // Российский литературоведческий журнал. –1997. – № 11. – С. 79–120.
42. Шубникова-Гусева Н. И. Тайна черного человека в творчестве С.А. Есенина/ Н. И. Шубникова-Гусева // Литературная учеба. – 1995. – № 23 . – С. 124–125

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Обзор тематики учебных программ, посвященной изучению творчества С.А. Есенина в школе

Современная школа использует довольно обширный ряд учебников по литературе. Среди всех этих книг можно выделить следующих авторов-составителей: А.Г. Кутузова, В.Ф. Чертова, Г.С. Меркина, Т.Ф. Курдюмова, В.Я. Коровина, И.Н. Сухих и др.

Стоит отметить, что каждый из этих учебников отражает базовый курс литературы в школе. Данные программы ориентируют учителя на более творческий подход к ученикам, а также на различные варианты изучения того или иного произведения (в зависимости от уровня класса, предпочтений учителя и т.д.). Для составления методических рекомендаций и урока мы подробнее рассмотрели современные школьные программы.

Обратимся к самой популярной программе под редакцией В.Я. Коровиной (2001 г.), которая утверждена министерством просвещения РФ.

В средних классах учащиеся только знакомятся с двумя стихотворениями С.А. Есенина: в 5 классе – по теме «О родине и родной природе» рекомендуется «Разгулялась вьюга...» С. Есенина и в 6м классе – «Задремали звёзды золотые», рассказ о жизни и творчестве С.А. Есенина в этот период обучения не предусмотрен. В 7 классе, при изучении литературы периода 20 века изучение творчества Есенина не подразумевается, лишь в разделе «Тихая моя родина. Стихотворения о родине» в назывном порядке упоминается имя поэта. Само знакомство с жизнью и творчеством поэта впервые кратко обозначено лишь в 9 классе и в этот период учащиеся проходят такие стихотворения, как: «Вот уж вечер. Роса...», «Пой ты, Русь, моя родная...», «Край ты мой заброшенный...», «Письмо к женщине», «Шаганэ ты, моя Шаганэ», «До свиданья, друг мой,

до свиданья...» и другие стихотворения по выбору учителя или учащихся. Поэма «Анна Снегина» дается ученикам в обязательном порядке, а произведение «Чёрный человек» факультативно.

В основе программы В.Ф. Чертова лежит чтение и изучение художественных произведений, а также знакомство с биографическими сведениями о писателях и историко-культурными фактами, необходимыми для понимания произведений авторов. С творчеством С.А. Есенина ребята знакомятся уже начиная с 5-го класса, проходят отдельные его стихотворения, а с поэмой «Черный человек» дети знакомятся только на уроке внеклассного чтения в 10 классе.

В программе под редакцией А.Г. Кутузова за 11 класс выделен целый урок, посвященный данной поэме. Ребятам предлагается посмотреть на поэму как на одно из самых загадочных, неоднозначно воспринимаемых и понимаемых произведений Есенина.

В учебно-методический комплекс по литературе под редакцией И.Н. Сухих «Литература. 11 класс (базовый уровень)» поэме отводится немного внимания. Программа же 10 класса тоже не предусматривает обращение к творчеству С. Есенина, и только в 11 классе при изучении базового понятия «Литературный процесс» будущие выпускники средней (полной школы) ведут разговор о лиричности и исповедальности поэзии Есенина. Здесь обращается внимание и на образ родины («Не в моего ты Бога верила»), и на мотив преобразования России («Русь»), и на биографические мотивы поэмы «Анна Снегина», и на мистико-философские искания в поэме «Черный человек».

В программе по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы авторов-составителей Г.С. Меркина, С.А. Зинина, В.А. Чалмаева знакомство с Есениным происходит уже в 5 классе. Начинается оно с детских лет в Константинове. Для изучения предлагаются стихотворения «Ты запой мне ту песню, что прежде...», «Поет зима – аукает...», «Нивы

сжаты, рощи голы...» и темы «Единство человека и природы» и «Малая и большая родина».

В 6 классе предлагается познакомиться с краткими сведениями о поэте, пафосом и темой стихотворения, одухотворенной природой как одним из основных образов Есенина и стихотворениями «Песнь о собаке» и «Разбуди меня завтра рано...».

В 7 классе авторы программы предлагают для изучения стихотворения «Отговорила роща золотая», «Я покинул родимый дом...» и разделы «Тематика лирических стихотворений; лирическое «я» и образ автора», «Человек и природа, чувство родины, эмоциональное богатство лирического героя в стихотворениях поэта». Также возможно провести литературно-музыкальный вечер или час в литературной гостиной «Песни и романсы на стихи С.А.Есенина», вечер одного стихотворения «Мой Сергей Есенин».

В 9 классе Есенин упоминается в разделе «Из поэзии Серебряного века», когда говорится о многообразии поэтических голосов эпохи, наряду с А. Блоком, В. Маяковским, М. Цветаевой, Н. Гумилёвым, А. Ахматовой.

В 11 классе предлагается изучить стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Мы теперь уходим понемногу...», «Спит ковыль», «Чую радуницу божью...», «Над тёмной прядью перелесиц...», «В том краю, где желтая крапива...», «Собаке Качалова», «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Русь советская» и др. Из поэм предлагается для изучения «Пугачев» и «Анна Снегина». Для самостоятельного чтения авторы предлагают стихотворения «Письмо к матери», «Инония», «Кобыльи корабли», «Цветы», поэмы «Черный человек», «Страна негодяев».

Таким образом, время, отводимое программой на изучение лирики С.А. Есенина, в разных программах и в разных классах не всегда позволяет проследить судьбу лирического героя, который неразрывно связан с

личностью поэта, как с прототипом, но не тождественен ей, как и всякий художественный образ.

В этих условиях успех изучения творчества С.А.Есенина в школе зависит от личности учителя, его литературного вкуса и умения анализировать лирическое произведение. Именно поэтому в данном исследовании мы предлагаем разработку факультативного занятия в 10 классе, посвященного анализу интертекстуальности поэмы С.А. Есенина «Черный человек».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Конспект факультативного урока для 10 класса. Анализ поэмы С.А. Есенина «Черный человек» в интертекстуальном зеркале

Цели:

Предметные:

- 1) продолжить знакомство с творчеством С.А.Есенина;
- 2) познакомиться с такими понятиями как «интертекст», «литературные заимствования»;
- 3) получить представление о заимствованиях в художественном тексте;
- 4) формировать умение читать и воспринимать лирику;
- 5) формировать умение выполнять сравнительный анализ стихотворений;
- 6) формировать умение сравнивать литературное произведение с первоисточником.

Метапредметные:

- 1) развить монологическую связную речь учащихся;
- 2) учить осмысленному чтению;
- 3) учить аргументации своей точки зрения с помощью текста произведения;
- 4) учить воспринимать информацию через слово, изображение и музыку;
- 5) учить сравнивать и делать выводы; практиковаться в работе в группе.

Личностные:

- 1) побудить учащихся к размышлению о собственном отношении к окружающим людям и себе;
- 2) воспитать нравственные качества учащихся.

Оборудование: мультимедийный проектор, презентация, классная доска, колонки, учебная книга.

Таблица 1 – Технологическая карта урока

Этап урока	Текст конспекта
1	2
Орг. момент	– Здравствуйте, ребята. Садитесь. Проверьте готовность к уроку. Сегодня у нас с вами не совсем обычный урок. Он посвящен самому загадочному произведению С.А. Есенина – поэме «Черный человек».
Проверка домашнего задания	– Домашним заданием у вас было прочитать поэму «Черный человек». – Скажите мне, какие чувства вы испытывали, читая поэму? Что вам показалось в поэме необычным? Чем выделяется поэма из художественного наследия поэта?
Работа с эпиграфом	– Давайте прочитаем эпиграф к нашему уроку, который представлен на слайде. <i>«Мне день и ночь покоя не даёт Мой черный человек» А.С.Пушкин «Моцарт и Сальери» [28; с. 15].</i> (чтение одним из учеников эпиграфа) – Ребята, как вы думаете, почему эпиграфом к нашему уроку выбрана именно эта цитата? (ответы детей)
Сообщение целей и темы урока.	– Молодцы, ребята, а как вы думаете, чем мы сегодня будем заниматься? (ответы детей) – Сегодня мы немного поговорим о жизни и творчестве С. Есенина, проанализируем его самую неоднозначную поэму «Чёрный человек». Также постараемся выяснить, почему С. Есенин прибегает к образу черного человека и появлялся ли этот образ в литературе раньше.
Слово учителя	– Творчество великого русского поэта Сергея Есенина до сих пор вызывает у читателей разногласия и споры. Это происходит от того, что каждый видит в его творениях что-то индивидуальное, что-то доступное только одному ему. Самой «неразгаданной» и «недопонятой» у Есенина остаётся поэма «Чёрный человек».

Продолжение таблицы 1

1	2
Тема урока	<p>Сложно себе представить лирического героя и автора по отдельности, поэтому последние строчки «никого рядом нет, я один...» звучат пугающе, словно предвещая трагические события в жизни Есенина. Закончив поэму в ноябре 1925 г., уже через полтора месяца поэт умирает. Поэтому поэма многими исследователями воспринимается как своеобразный реквием, а ее интертекстуальность только подчеркивает эту трагичность.</p> <p>Сегодня на уроке мы постараемся исследовать поэму Есенина «Черный человек» с помощью интертекстуального анализа. Запишите тему урока (на слайде): «Анализ поэмы С.А. Есенина «Черный человек» в интертекстуальном зеркале»</p>
Сообщение от ученика	<p>– Ребята, а вы раньше были знакомы с таким понятием как интертекст? (ответы детей)</p> <p>– Давайте попробуем разобраться, что же это за понятие. А для этого давайте послушаем сообщение, которое подготовил нам ваш одноклассник.</p> <p>(чтение заранее подготовленного мини-доклада учеником)</p> <p>– Спасибо. Как вы уже поняли, другими словами интертекст это диалог текста с текстом, своего рода взаимодействие текстов в литературном пространстве и обозначение их общего свойства.</p> <p>– А как вы поняли, что такое претекст? Совершенно верно, это текст-предшественник, на который опирается автор.</p> <p>– Какие виды интертекстуальных отсылок запомнили? Верно: пересказ сюжета, цитирование, аллюзия (припоминание момента), реминисценция (намек).</p>
Прослушивание аудиозаписи, беседа	<p>– Давайте прослушаем отрывок поэмы «Чёрный человек», следя по тексту, который находится перед каждым из вас. (прослушивание чтения поэмы в исполнении С. Безрукова)</p> <p>– Итак, прослушав отрывок, как вы себе представляете Чёрного человека? (ответы детей)</p> <p>– Чёрный человек – пугающий образ. Как автор пугает читателя, ведь нет никаких деталей безобразной внешности? (ответы детей)</p>

Продолжение таблицы 1

1	2																				
	<p>– Какие чувства испытывает лирический герой при появлении ночного гостя? (ответы детей)</p> <p>– Чёрный человек имеет достаточное количество собственных элементов, в первую очередь, это – упомянутый выше чёрный цвет (ассоциативный ряд – чёрная душа, чёрная зависть, чёрная молва и т.д.), затем плащ, впоследствии переформировавшийся в сюртук во времена Пушкина, безличность – отсутствие конкретных черт лица и фигуры, цилиндр – также с пушкинских времён).</p>																				
<p>Аналитическая беседа</p> <p>Образ Чёрного Человека: генезис.</p>	<p>– Ребята, давайте мы с вами начертим в тетради таблицу и будем по ходу нашей беседы ее заполнять (таблица 2 на слайде):</p> <table border="1" data-bbox="472 864 1385 1272"> <thead> <tr> <th><i>Претекст</i></th> <th><i>Элемент заимствования</i></th> <th><i>Значение</i></th> <th><i>Тип интертекста</i></th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td><i>Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»</i></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td><i>А. Блок «Двойник»</i></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td><i>И. Гете «Фауст»</i></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table> <p>– Итак, давайте подумаем, когда появились упоминания о Чёрном Человеке.</p> <p>– Ребята, посмотрите на фрагмент поэмы? Что нам напоминают эти строчки?</p> <p style="text-align: center;"> Чёрный человек, Чёрный, чёрный, Чёрный человек На кровать ко мне садится, Чёрный человек Спать не дает мне всю ночь[16; с. 254] </p> <p>(ответы детей, о том, что строки напоминают эпиграф: отрывок из произведения А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»).</p>	<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>	<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>				<i>Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»</i>				<i>А. Блок «Двойник»</i>				<i>И. Гете «Фауст»</i>			
<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>																		
<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>																					
<i>Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»</i>																					
<i>А. Блок «Двойник»</i>																					
<i>И. Гете «Фауст»</i>																					

Продолжение таблицы 1

1	2								
	<p>– Обратите внимание на репродукцию на слайде, на которой изображены Моцарт и Сальери и представлена цитата из трагедии:</p> <p style="text-align: center;">«Мне день и ночь покоя не дает Мой черный человек. За мною всюду Как тень он гонится. Вот и теперь Мне кажется, он с нами сам-третей Сидит»[28; с. 3].</p> <p>– Вы верно отметили взаимосвязь этих текстов. Считается, что С. Есенин позаимствовал образ черного человека у А.С. Пушкина. (Вспоминает вкратце сюжет трагедии «Моцарт и Сальери»).</p> <p>– Да, ребята, совершенно верно, здесь происходит авторская отсылка на уже знакомый нами текст, очевидно, что произведение Пушкина оказало влияние на Есенина. Близость авторских трактовок в данном случае это, своего рода, оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного».</p> <p>– Чей образ впоследствии трансформируется в образ Черного Человека? (Образ героя – Сальери. Так Пушкин показывает раздвоенность сознания героя)</p> <p>– Давайте начнем заполнение первой строки нашей таблицы.</p> <p>– К какому типу интертекстуальности мы можем отнести данную связь? Действительно, здесь встречается припоминание, есть цитата без кавычек и частично присутствует пересказ сюжета. Заполним таблицу (таблица 3).</p> <table border="1" data-bbox="512 1718 1442 1951"> <thead> <tr> <th data-bbox="512 1718 810 1787"><i>Претекст</i></th> <th data-bbox="810 1718 1031 1787"><i>Элемент заимствования</i></th> <th data-bbox="1031 1718 1236 1787"><i>Значение</i></th> <th data-bbox="1236 1718 1442 1787"><i>Тип интертекста</i></th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td data-bbox="512 1787 810 1951"><i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i></td> <td data-bbox="810 1787 1031 1951"><i>Образ черного человека</i></td> <td data-bbox="1031 1787 1236 1951"><i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i></td> <td data-bbox="1236 1787 1442 1951"><i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i></td> </tr> </tbody> </table>	<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>	<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>
<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>						
<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>						

Продолжение таблицы 1

1	2												
	<p>– Молодцы! Теперь перейдем к нашему следующему тексту.</p> <p>– Давайте прочитаем с вами фрагменты из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», а именно сцену диалога Ивана Карамазова с чертом, есть ли здесь схожие черты с поэмой?</p> <p>(чтение учениками фрагмента диалога с чертом Ивана Карамазова)</p> <p>– Молодцы. Что же здесь у нас является схожим? Какие параллели вы увидели? (стакан у Достоевского – трость у Есенина; черный человек и посетитель у обоих именуется одинаково – гость)</p> <p>– Да, верно, ребята, соотнесение этих произведений оправдано, тем более что сам поэт неоднократно говорил о своем интересе к творчеству Ф. Достоевского, но какую роль играет это сходство этих произведений?</p> <p>(ответы детей)</p> <p>– Неоднократно подчеркиваемый мотив одиночества, зеркальности, позволяет говорить о раздвоенности сознания героя, о двойничестве души, конфликт с внешней средой постепенно перерастает во внутренний конфликт.</p> <p>– Итак, обратимся к таблице и запишем, где у нас присутствует элемент заимствования?</p> <p>(образ ночного гостя приходит и к обоим героям. Черт Достоевского трансформируется в Черного человека)</p> <p>– А зачем Есенину такая трансформация? Это наша третья колонка в таблице. (Чтобы лишний раз подчеркнуть мотив раздвоенности сознания, мотив одиночества души, трагичность)</p> <p>– Как мы можем определить тип такой отсылки?</p> <p>(вместе с детьми приходим к выводу, что это интертекст-пересказ, как и с Пушкиным)</p> <table border="1" data-bbox="512 1771 1442 2049"> <thead> <tr> <th><i>Претекст</i></th> <th><i>Элемент заимствования</i></th> <th><i>Значение</i></th> <th><i>Тип интертекста</i></th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i></td> <td><i>Образ черного человека</i></td> <td><i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i></td> <td><i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i></td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>	<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>				
<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>										
<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>										

Продолжение таблицы 1

1	2			
	<p><i>Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»</i></p>	<p><i>Сюжет встречи и диалога героя с чертом / черным человеком</i></p>	<p><i>Двойничест во души, конфликт с внешней средой постепенно перерастает во внутренний конфликт.</i></p>	<p><i>Интертекст-пересказ</i></p>
<p>– Есенин в своей поэме вступал в диалог не только с классиками XIX века, но и к своим современникам. Давайте прочитаем известное стихотворение А. Блока «Двойник» и подумаем, в чем проявляется сходство?</p>				
<p>(чтение стихотворения)</p>				
<p>Однажды в октябрьском тумане Я брёл, вспоминая напев. (О, миг непроданных лобзаний! О, ласки некупленных дев!) И вот – в непроглядном тумане Возник позабытый напев. И стала мне молодость сниться, И ты, как живая, и ты... И стал я мечтой уноситься От ветра, дождя, темноты... (Так ранняя молодость снится. А ты-то, вернёшься ли ты?) Вдруг вижу – из ночи туманной, Шатаясь, подходит ко мне Стареющий юноша (странно, Не снился ли мне он во сне?), Выходит из ночи туманной И прямо подходит ко мне. И шепчет: «Устал я шататься,</p>				

Продолжение таблицы 1

1	2								
	<p>Промозглым туманом дышать, В чужих зеркалах отражаться И женщин чужих целовать...» И стало мне странным казаться, Что я его встречу опять... Вдруг – он улыбнулся нахально, И нет близ меня никого... Знаком этот образ печальный, И где-то я видел его... Быть может, себя самого Я встретил на глади зеркальной [7; с.25]?</p> <p>– Ребята, какую главную тему можно определить в этих произведениях? (ответы детей о теме двойничества)</p> <p>– Да, тема и мотив двойничества – ведущий в данных текстах.</p> <p>– Обратимся к нашей таблице и запишем, элементы переключки текстов. (встреча лирического героя с двойником, его очная ставка с ним)</p> <p>– Что для понятия смысла дает эта встреча? (здесь отражается судьба обоих поэтов, Блоковский образ стареющего юноши трансформируется в образ Черного человека)</p> <p>– К какому типу интертекстуальности мы можем отнести данную связь? (вместе с детьми приходим к выводу, что это интертекстуальные аллюзии)</p> <table border="1" data-bbox="512 1662 1442 1901"> <thead> <tr> <th><i>Претекст</i></th> <th><i>Элемент заимствования</i></th> <th><i>Значение</i></th> <th><i>Тип интертекста</i></th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i></td> <td><i>Образ черного человека</i></td> <td><i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i></td> <td><i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i></td> </tr> </tbody> </table>	<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>	<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>
<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>						
<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»</i>	<i>Образ черного человека</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного»</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ</i>						

Продолжение таблицы 1

1	2											
	<p><i>Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»</i></p>	<p><i>Сюжет встречи и диалога героя с чертом / черным человеком</i></p>	<p><i>Двойничество во души, конфликт с внешней средой постепенно перерастает во внутренний конфликт.</i></p>	<p><i>Интертекст-пересказ</i></p>								
	<p><i>А. Блок «Двойник»</i></p>	<p><i>Встреча героя с собственным двойником</i></p>	<p><i>Тема двойничества</i></p>	<p><i>Аллюзии</i></p>								
<p>– Замечательно</p> <p>– Есенина интересовала и зарубежная литература. В «Черном человеке» можно проследить фаустианские мотивы.</p> <p>– Помните ли вы произведение И. Гете «Фауст»? (если есть необходимость, краткий пересказ сюжета)</p> <p>– Ребята, в этой сцене есть переключки с есенинским «Черным человеком»: чтение отрывка главы «Во дворце», начинающейся символическими словами «Садится солнце...»[14; с. 367].</p> <p>– Что же здесь у нас общего? (упоминанием о «скверной и милой девочке» погубленной) Давайте запишем в таблицу.</p> <p>– Для чего данная связь Есенину? (помогает глубже понять образ Черного человека, раскрыть его мистический, грешный, трагический образ)</p> <p>– К какому типу интертекстуальности мы можем отнести данную связь? (вместе с детьми приходим к выводу, что это интертекстуальные аллюзии)</p>												
<table border="1"> <thead> <tr> <th data-bbox="510 1823 715 1883"><i>Претекст</i></th> <th data-bbox="715 1823 922 1883"><i>Элемент заимствования</i></th> <th data-bbox="922 1823 1201 1883"><i>Значение</i></th> <th data-bbox="1201 1823 1406 1883"><i>Тип интертекста</i></th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td data-bbox="510 1883 715 2007"><i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери».</i></td> <td data-bbox="715 1883 922 2007"><i>Образ черного человека.</i></td> <td data-bbox="922 1883 1201 2007"><i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного».</i></td> <td data-bbox="1201 1883 1406 2007"><i>Аллюзия, цитата, частично пересказ.</i></td> </tr> </tbody> </table>					<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>	<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери».</i>	<i>Образ черного человека.</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного».</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ.</i>
<i>Претекст</i>	<i>Элемент заимствования</i>	<i>Значение</i>	<i>Тип интертекста</i>									
<i>А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери».</i>	<i>Образ черного человека.</i>	<i>Оппозиция подлинного и ложного, «светлого» и «темного».</i>	<i>Аллюзия, цитата, частично пересказ.</i>									

Продолжение таблицы 1

1	2			
	Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы».	Сюжет встречи и диалога героя с чертом/черным человеком.	Двойничество души, конфликт с внешней средой постепенно перерастает во внутренний конфликт.	Интертекст-пересказ.
	А. Блок «Двойник».	Встреча героя с собственным двойником.	Помогает раскрытию темы двойничества.	Аллюзии.
	И. Гете «Фауст».	Упоминание о «скверной и милой девочке» погубленной.	Помогает глубже понять образ Черного человека, раскрыть его мистический, грешный, трагический образ.	Аллюзии.
	– Ребята, давайте посмотрим на таблицу, которая получилась			
Подведение итогов урока.	<p>– Ребята, давайте подведем итоги нашего урока и сделаем вывод:</p> <p>– Чёрный человек – это зеркальное отражение героя, его двойник. Следовательно, весь разговор можно трактовать как осмысление жизни, исповедь, причем бесстрашную исповедь, последнюю, наполненную решимостью и страстными эмоциями, Пушкин писал однажды о невероятной трудности прилюдной исповеди: «Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя... Не лгать – можно; быть искренним – невозможность физическая...» Эту физическую невозможность Есенин преодолел: его искренность в поэме «Чёрный человек» выдержана до конца.</p>			
Рефлексия.	<p>– С привлечением более широкого литературного контекста, ваше мнение о поэме изменилось? Открылась ли она для вас другой стороной? Поэма «Чёрный человек» глубоко индивидуальна и лирична, это исповедь это бой Чёрному человеку, который живёт в каждом из нас. Это лирическое выражение терзаний души поэта. Ужас сменяется отчаянием, решимостью, апатией, отвращением и новым возрождением из пепла. Это бой, бой за своё светлое «я». Подобное сражение могут вести только искренние и честные люди.</p>			
Домашнее задание.	<p>– Теперь вы знаете о поэме больше, видите ассоциативные связи различных художественных произведений с поэмой. Напишите небольшое эссе на тему: «Размышление о поэме “Черный человек”»</p>			